

ПЕССИМИЗМ НАУЧНОГО АНАЛИЗА И ВЕРА В БУДУЩЕЕ РОССИИ

По поводу книг В.П. Федорова «Россия: внутренние и внешние опасности»
и «Крушение Европы?»

О.Г. Буховец,

доктор исторических наук, зав. кафедрой политологии Белорусского государственного
экономического университета

Монография о нынешних и грядущих опасностях для России, принадлежащая перу известного российского экономиста В.П. Федорова, увидела свет в 2004 г. и при немало для научного издания в наши дни тираже (1000 экз.) разошлась очень быстро [1]. В 2005 г. появилось ее 2-е, существенно расширенное издание [2]. В том же году вышло и небольшое исследование «Крушение Европы?», по существу, являющееся продолжением указанного труда русского ученого [3].

В весьма солидном томе монографии (382 с.) экономическая тематика в собственном смысле не занимает ведущего места. Однако при рассмотрении *практически любого из главных сюжетов* - будь то демографическая ситуация в России или опасность территориальных претензий к ней, пути борьбы с бедностью или российский этнический федерализм, миграция в Россию или проблема стратегических союзов - автор всегда пытается выделить ту или иную экономическую подоплеку. В силу этого *наддисциплинарный* анализ экономических проблем можно считать основной характерной особенностью книги В.П. Федорова. Что, собственно, и позволяет автору этих строк - неэкономисту - предложить свои оценки и версии понимания столь внушительного труда экономиста.

Общее впечатление от монографии - очень хорошее. Сам авторский замысел, постановка и «огранка» проблем - нестандартны. Аналитические результаты - оригинальны, неоднородны, в ряде случаев - неожиданны, а иногда и просто провокационны. Автор напряженно, в остроподемической

манере разбирает самые, на его взгляд, болезненные из «проклятых вопросов» России в прошлом и настоящем, прогнозирует ее ближайшее и отдаленное будущее. При этом практикуемые им особая терминология, стилистика, сдержанно-драматическая форма изложения, яркая афористичность подталкивают читателя (возможно, в соответствии с авторским замыслом) к систематизации материала книги экономиста по принципу медицинской триады: анамнез (история развития болезни) - диагноз (определение на основе всестороннего анализа существа и степени заболевания) - назначение лечения.

«Анамнез»:

а) советский

Притягательность марксизма для левой интеллигенции и широких народных масс в начале XX в. привела к тому, что на исходе первой мировой войны из цепи европейского эволюционного развития выпало самое большое звено - Российская Империя. Эта историческая случайность, пишет Федоров, дорого обошлась ей. Десятки миллионов жизней, диктатура, разрыв с традицией, ложный путь развития производительных сил... - такова цена за воплощение в жизнь «этого учения» [1. С. 8]. С другой стороны, Россия, приняв «удар марксизма на себя», дала, «сосредотачивая на себе невзгоды и лишения истории», возможность Западу развиваться беспрепятственно по естественному пути [2. С. 371].

Но насколько, когда речь идет о победе большевизма в России, можно говорить

об «исторической случайности»? Разве в свете того, что происходило в 1918 - 1919 гг. в Центрально-Восточной Европе, «российская случайность» не предстает в значительной мере закономерностью? Ведь в потерпевших поражение в войне Австро-Венгерской и Германской империях единомышленники большевиков сумели даже создать в 1919 г., по большевистскому образцу, Венгерскую, Баварскую и Словацкую советские республики. Но просуществовать последние смогли лишь считанные недели, в лучшем случае (Венгрия) - 133 дня. Неудача советского проекта в них была предрешена даже не иностранной интервенцией (в Советскую Россию таковая была по масштабам неизмеримо большей), а тем, главным образом, что в *аграрных* по преимуществу Венгрии, Словакии, Баварии установленная советская власть *не нашла* социально-политической опоры именно в крестьянстве. А в России - *нашла* \

Между прочим, в другом месте своей книги В.П. Федоров косвенно признает это, говоря, что «царизм не уберег Россию от большевизма... [1. С. 21].

В результате огосударствления большевиками экономики в стране к началу 20-х годов возникла угроза полного народно-хозяйственного коллапса и последующего падения советской власти. Осознав это, Ленин и его единомышленники настояли на частичном возвращении к рыночной экономике в рамках НЭПа. В.П. Федоров полагает, что «сохранение НЭПа на полтора-два десятилетия неизбежно привело бы к воссозданию капитализма...» [1. С. 11]. Трудно с ним в этом не согласиться...

Последовавшее после пресечения НЭПа «контрнаступление» социализма «но всему фронту» должно было теоретически и практически снять возможность альтернативы коммунистической диктатуре. Однако государственный социализм не только не спас СССР, но и «сам способствовал его разрушению» [2. С. 372]. Например, широким и безоглядным использованием в административно-территориальном устройстве страны этнического начала. Или же «внешнеполитической вездесущностью» СССР, потребовавшей для обеспечения военного паритета с Западом такого напряжения сил, что это

«подорвало национальную экономику» [1. С. 298; 2. С. 359].

б) «перестроечный» и постсоветский

«Нить накаливания» федоровского анализа особенно жестким светом освещает процессы, получившие развитие в конце 80-х - 90-е годы и предопределившие, по его убеждению, нынешнюю экономическую, социальную, политическую немощь России и других стран-наследников бывшего СССР.

Автор констатирует, что ко времени начала перестройки опыт социалистического хозяйствования вполне уже показал, что «созидательные силы планового хозяйства оказались в долговременной практике слабыми по сравнению с дефектами последнего, в результате чего экономика и питаемая ею социальная сфера деградировали по всем показателям» [2. С. 376-377]. Отсюда и «легкость в мыслях необычайная» у властителей дум перестроечной и постперестроечной поры относительно того, что нам нужно, как это делается «во всем цивилизованном мире», всего-навсего «дать волю рыночной стихии, которая-де расставит все по своим местам» [2. С. 377]. Несамостоятельность мышления «реформаторов первой волны», ущербное, по выражению В.П. Федорова, понимание ими сути современной рыночной экономики и непонимание необходимости учета специфики отечественных условий предопределили курс на простое «копирование зарубежных институциональных форм» [1. С. 145, 215]. Не лишне добавить к этому и царивший тогда дух безальтернативное™ общественного развития, замечательно отлившийся в нелепой формуле «Иного не дано!».

Вместо того, чтобы «осмотрительно и постепенно снижать уровень государственного присутствия в общественном воспроизводстве, был сделан упор на полный его демонтаж» [2. С. 377]. Подбадриваемые также призывами ряда западных экспертов «не оставлять камня на камне от того, что было сделано за 70 лет в советской экономике», ельцинские реформаторы-«демонтажники» начинают преобразования, которые, отмечает В.П. Федоров, «не были продуманы ни по содержанию, ни по последовательности, ни по протяженности во времени» [1. С. 216; 2.

С. 377]. Главным же их смыслом с тех пор является «скорейший переход в частные руки как можно большего числа объектов государственной собственности на безвозмездной или почти безвозмездной основе». Став частной, она, по убеждению «прорабов» рыночной перестройки России, сама по себе обеспечивает возрождение новой экономики на месте разрушенной старой хозяйственной системы [1. с. 215; 2. С. 372].

«Незатейливость» такой явно докейнсианской модели понимания находится в столь разительном противоречии с современной практикой социальной рыночной экономики того самого «цивилизованного мира», что, скажем образно, но сравнению с российскими «прорабами» слепые со знаменитой картины П. Брейгеля Старшего могут, очевидно, показаться всего-навсего «подслеповатыми»... К примеру, необъяснимым образом реформаторам не приходило в голову, что приватизация сама по себе не обеспечивает демонополизацию экономики. Или, что сокращение в ходе «ураганной» приватизации доли государства в промышленности до нынешних 13,6% отнюдь не создало стимулы самосовершенствования для «новорожденного» частного сектора. По той причине, что это сокращение вылилось не в конструктивно-эволюционное переделывание, а в банальное уничтожение производительных сил [1. С. 151, 217].

И автор монографии в этой связи весьма кстати приводит оценку, данную (в 2003 г.) результатам деятельности российских реформаторов известным английским экономистом Р. Скидельским: «Ошибка этих людей заключается в уверенности, что на развалинах очень быстро возникает новая жизнь. Но если вы что-то уничтожаете, вы оставляете после себя пустыню» [1. С. 145].

«Диагноз»:

а) *экономический и социальный*

Вместо обещанной властью имущими российскому обществу эффективной социальной рыночной экономики *получилась в итоге «грабительская система»,* не только не обогатившая и укрепившая страну, но, напротив, содействовавшая дальнейшей ее деградации. Заложенный в ней потенциал системной примитивизации национальной эко-

номики даже побудил В.П. Федорова сделать вывод о том, что она представляет собой «известную новацию» в негативном мировом опыте [2. С. 372]. Причем, констатирует он, движение страны в прежнем направлении продолжается... Вот почему и в середине первого десятилетия XXI в. народное хозяйство России остается внутренне дисбалансированным: с одной стороны, не подверженным системному государственному воздействию, а с другой - не имеющим простора для проявления стихийных рыночных закономерностей [2. С. 377].

Наблюдающийся в последние годы в России экономический рост - «самопроизвольный и неустойчивый», как полагает автор, - по многим причинам не внушает надежд на решительное преломление негативных процессов в народном хозяйстве [1. С. 122]. Так, продолжает иметь место гипертрофия добывающей промышленности, в результате которой на ТЭК и другие сырьевые отрасли приходится 70% первичного национального продукта. Незагруженные мощности предприятий обрабатывающей промышленности составляют 60-70%, а физический износ машин и оборудования в промышленности в целом достиг уже 70% [1. С. 185, 214, 233]. Но оценкам руководителей предприятий потребительского сектора России (середина 2002 г.), доля конкурентоспособной продукции на них составляет всего 30% [1. С. 213].

Таковы результаты продолжающихся уже второе десятилетие экономических реформ. «Ломовой метод», примененный к почти полностью огосударственной экономике, «слепое» уничтожение централизованного механизма управления закономерным итогом имели не складывание высокоорганизованной социально-экономической системы, а «промежуточную случайность, лишенную стимулов самосовершенствования» [2. С. 374 - 375].

Безотраден и диагноз социальных и правовых отношений в российском обществе. В.П. Федоров уверен, что в этом смысле противоречия достигли критического уровня, а содержащееся в Конституции Российской Федерации определение России как социального правового государства следует брать в кавычки [1. С. 201; 2. С. 374]. Если в развитых странах, подчеркивает он, «существуют

рыночная экономика и социальное государство, которое выправляет вывихи рынка, то у нас - социальная экономика в плохом понимании этих слов и рыночное государство» [1. С. 199]. В отношении экономики под *плохим пониманием* автор подразумевает оставшийся в ней еще с прежних, советских времен «собес», существенно затрудняющий ее продвижение к мировой конкурентоспособности. А в отношении *рыночного государства* - крайне низкую квоту социальных услуг в ВВП, что убедительно им иллюстрируется красноречивыми сравнительными данными по ряду других стран [1. С. 189].

В.П. Федоров предельно категоричен, говоря о недопустимости для европейской страны в XXI в. иметь такие антисоциальные параметры, как: 1) доля людей с денежными доходами ниже прожиточного уровня - 26%; 2) децильный коэффициент - 14 единиц; 3) недалекий от нищенского месячный среднедушевой денежный доход - 3950 руб.; 4) нищенский размер назначенных пенсий - 1379 руб.; 5) скандально низкая доля безработных, зарегистрированных государственной службой занятости - 21,3%; 6) чрезвычайно низкая ожидаемая продолжительность жизни мужчин - 59 лет; 7) «смехотворно малые» (от 7 до 42% величины прожиточного минимума) размеры социальных пособий, стипендий, пенсий [1. С. 201].

И выполнима ли задача построения в России правового государства, если: а) правительственный экономический курс «носит разрушительный характер»; б) «важнейшей характеристикой положения... населения является бедность»; в) ежедневно в стране происходят заказные убийства; г) зимой без тепла и света в квартирах мучаются жители городов и поселков; д) теневой сектор охватывает 40% экономики? [1. С. 202, 218; 2. С. 373].

Для автора монографии этот вопрос - сугубо риторический. Общий вывод: «Недоверие населения к государству - материальная сила с отрицательным знаком», что «сильно сказывается на экономической динамике и самочувствии общества» [2. С. 373].

б) внешнеполитический и экономический

Высокую степень озабоченности вызывает произведенная В.П. Федоровым этно-

политическая, демографическая, геополитическая и геоэкономическая диагностика. Уже сами формулировки названий соответствующих глав и параграфов примечательны в этом смысле: «Трагедия России: вымирание народа и территориальная незащищенность», «Опасность распада страны», «Российский этнический федерализм: неблагоприятное состояние и тревожные перспективы», «Уступки были бы губительны», «Рост численности населения как национальная идея»...

Установившаяся после развала СССР и социалистического лагеря модель однополярного мира создала благоприятные возможности для США в установлении «нового мирового порядка». Администрациями Клинтона и Буша был взят курс на маргинализацию ООН и девальвацию международного права. Наиболее зримыми проявлениями новых угроз для международного сообщества в этой связи явились действия США и их союзников в 90-е годы в экс-Югославии, а в первое десятилетие XXI в. - в Ираке. Но, как доказывает В.П. Федоров, именно Ирак, из которого сегодня американцы не знают, как уйти, не потеряв лицо, уже показал, что век американского «боссизма» оказался недолгим и «помимо своей воли они получают неожиданный результат, а именно конец однополярного мира» [1. С. 296, 301].

Этот вывод представляется резонным, особенно в свете того, что спираль иракской трагедии, увы, будет раскручиваться и дальше и все больше вредить «миссионерскому имиджу» Америки. Ведь продолжающаяся уже несколько лет в этой стране вакханалия чудовищного по кровавой результативности насилия - причем с явной перспективой еще большего расширения в связи с начавшейся религиозной суннитско-шиитской войной - убедила уже мир в том, что «лекарство» (иностранный оккупация) оказалось хуже самой «болезни» - режима Саддама. Поэтому в ближайшие годы, по всей очевидности, будет множиться число стран, которые попытаются создать международный трибунал по военным преступлениям в оккупированном Ираке. А в современном мире такие попытки - далеко не напрасные хлопоты...

Очень видное место в книге занимают евросоюзные сюжеты. За строительством ЕС, определяемого автором как «гравитационный

центр Европы», он наблюдает очень давно, считая его создание «несомненным успехом прогрессивных объединительных сил на континенте и достижением исторического плана» [1. С. 232]. Исходя из того, что создание единого экономического пространства и унификация хозяйственной политики обеспечивают повышение эффективности производства, более высокие темпы экономического роста и улучшение качества жизни, В.П. Федоров еще 15 лет назад предложил, в частности, ввести понятие европейского хозяйства как сложившуюся реальность Старого Света [1. С. 281]. Автор констатирует, что, с одной стороны, в отношениях Европейского союза и Российской Федерации всегда существовала асимметрия намерений (берущая начало еще с советских времен), которая сегодня выражается в стратегии ограниченного допуска России в Европу, или умеренной ее изоляции [1. С. 247, 254]. С другой стороны, как ему видится, отношения эти развиваются пусть медленно и не без противоречий, но в «естественном направлении», т. е. идут «к созданию Общего европейского экономического пространства» ЕС и России [1. С. 260].

Очень суровый диагноз выносит В.П. Федоров советской/российской внешней политике. Персонально это относится прежде всего к внешнеполитической деятельности М. Горбачева, Б. Ельцина, отчасти В. Путина, являвшихся по своей должности главными гарантами суверенитета и независимости, безопасности и территориальной целостности государства. Автор считает, что «получение благосклонности Запада» вообще стало лейтмотивом внутри- и внешнеполитического курса» при Горбачеве и Ельцине. Вплоть до того, что один из российских министров сформулировал тогда кредо: «Что хорошо для США, то хорошо и для новой России» [2. С. 337].

Отсюда и конкретные действия Э. Шеварнадзе, А. Козырева, других видных функционеров, свидетельствующие о недальновидности, непростительной халатности, а в ряде случаев, как ставит вопрос В.П. Федоров, и просто о «предательстве по отношению к своей стране» [2. С. 354]. В частности, но «прекраснодушию» Горбачева, «забывшего о национальных интересах своей страны», не

была должным образом зафиксирована и оформлена устная компромиссная договоренность о неподвижении НАТО на Восток, а также передана США значительная часть Берингова моря. По «щедрости» сначала Шеварнадзе, а затем и Козырева подготавливалась передача Японии Южных Курил [1. С. 253, 319, 320; 2. С. 335, 354]. Как «крупномасштабную сдачу российских позиций...» расценивает Федоров и мартовское 2000 г. заявление Путина о возможности присоединения России к НАТО. Россия этим заявлением сама сняла вопрос о выгодных уступках ей со стороны Запада и, кроме того, развязала руки своим постсоветским соседям [1. С. 288].

Резюмируя, автор сознательно переходит на коммерческую терминологию. Он инкриминирует внешней политике России «упущенную выгоду». Его резоны при этом вполне убедительны: смена общественного строя в стране и ее кардинальная переориентация в международной сфере - роспуск Варшавского пакта и СЭВ, объединение Германии (которое даже целому ряду союзников ФРГ очень тогда хотелось *замедлить*) - были, бесспорно, исключительно «дорогостоящими товарами для Запада». И посему «от него можно было бы добиться значительных уступок за уступки».

Но тогдашним руководством СССР ничего ровным счетом в этом направлении сделано не было, а Россия демократическая не только не устранила традиционный для Советского Союза антиэкономический крен во внешней политике, по даже усилила его. О чем свидетельствуют и массовый уход капитала за границу, и открытие внутреннего рынка перед экспортерами, и скупка предприятий иностранными фирмами, и бездумное наращивание внешнего долга. В общем плане - налицо остающийся пока не устраненным «дисбаланс между огромным геополитическим потенциалом и нынешней небольшой ролью России в современном мире» [1. С. 270, 284; 2. С. 371].

Эта несравненно более скромная, нежели в советские времена, роль страны в нынешнем мире у многих в современной России порождает жгучее чувство досады, получившее в социальных науках название «рессентимент». Пожалуй, и В.П. Федоров

здесь не исключение. Иначе трудно объяснить некоторые его размашистые, политически невыдержанные или, в лучшем случае, несбалансированные положения и высказывания по поводу взаимоотношений России со странами ближнего и дальнего зарубежья. В частности, формулируя нарочито резко вопрос о том, «есть ли у России друзья», автор затем сам дает на него парадоксальный ответ: «К сожалению, есть...» [2. С. 369]. Но почему в таком случае «к сожалению»? А потому, что, по его убеждению, друзья «в ущерб себе» России просто не нужны, а «других друзей на международной арене не бывает». Для нее более прагматично «оставаться над схваткой», «без друзей и союзников» [2. С. 347, 355, 369].

в) геодемографический

С крайней тревогой перечисляет автор демографические и этнополитические угрозы для России. Отталкиваясь от в разной мере пессимистических прогнозов демографического развития страны, он прибегает к еще более жестким констатациям, чем это имело при анализе состояния народного хозяйства и экономической политики правительства. Начавшееся с 1992 г. «вымирание собственного народа является для России роковой опасностью»..., «Под вопрос поставлено сохранение ее целостности», «Пришло время бить в набат»... [2. С. 22, 25, 85].

Аргументы в обоснование этих крайне пессимистических заявлений В.П. Федоров приводит следующие. В нынешнем «перенаселенном мире показатель плотности населения может стать важнейшим политическим аргументом в пользу очередного перераспределения территории земного шара». Поскольку перенаселенность имеет тенденцию постоянно обостряться (за счет бурного роста населения на Юге), то на повестке дня будущего вполне может стать в обостренной форме вопрос о «нехватке жизненного пространства»... А таковым для «стран, не справляющихся с ростом своего населения», естественно, станут «неиспользуемые и слабоиспользуемые территории» государств Севера. В этой ситуации уменьшающийся, по причине депопуляции, показатель плотности населения в России будет стимулировать в «некоторых

странах» представления об «избытке» территории в ней, что сделает ее земли «предметом вождления»... [2. С. 29-30].

Автор не делает секрета из того, кто подразумевается под «некоторыми странами»: это, прежде всего, Китай, а также Япония. Алгоритм действий китайцев представляется следующим. Активно проникая разными путями в Сибирь и на Дальний Восток, они к настоящему времени уже создали базу для экономического освоения этих районов. Дальнейшее последовательное ее расширение приведет «затем, когда численность проживающих там россиян опустится ниже критической точки, к их потере в пользу перенаселенного соседа» [2. С. 30].

В отношении осуществимости такого сценария возникает ряд сомнений. Во-первых, исторически Срединной империи не было свойственно стремление к *собственно* территориальной экспансии. Единственным исключением можно считать лишь политику Китая по отношению к Индокитаю, но и она на новейшее время не распространяется. Ведь даже военный конфликт 1979 г. между КНР и СРВ разгорелся не из-за стремления первой захватить какую-то часть вьетнамской территории, а вследствие конкуренции коммунистических режимов обеих стран за доминирование в регионе.

Современный же Китай граничит с целыми 12-ю большими и малыми государствами, и в новейшей истории нет *ни одного* примера существенного «прирастания» его территории за счет соседей (передача по межправительственным соглашениям Китаю небольших участков земли, например, Россией и Кыргызстаном - не в счет). Следующее сомнение. Если изложенный В.П. Федоровым план «пошагового экспансионизма» в отношении малонаселенных регионов России будет реально претворяться в жизнь, то почему до сих пор не осуществлялось нечто подобное по отношению к другим, куда более подходящим для этого малонаселенным соседям КНР - Монголии и Лаосу, к которым 15 лет назад добавился еще и малолюдный Казахстан? [6. С. 39-40].

Кажется достаточно уже очевидным, что для властной элиты постмаоистского Китая экономическая экспансия по *всем*, подчеркнем, возможным азимутам - не средство для

дальнейшей инкорпорации той или иной страны в КНР, а *самодостаточная цель*. И не территории, сами по себе, как пишет известный российский экономист академик Н.П. Шмелев, интересуют Китай, а, «во-первых, возможности укрепления его энергосырьевой и водной базы, включая активное участие в разработке ресурсов... соседей..., во-вторых, новые рынки для его традиционной, а теперь и высокотехнологичной продукции, в-третьих, облегчение условий, причем повсюду в мире, для миграции наиболее подвижной... части его населения в поисках занятости и сфер приложения своих капиталов» [5. С. 12-13].

Вот в этих отношениях опасности для России - вполне реальны. В такой связи предложение В.П. Федорова взглянуть на будущие угрозы для российского Зауралья через призму «Косовского феномена», т. е. быстрого, по историческим меркам, этнокультурного «перекодирования» албанцами сербской территории - вполне резонно [3. С. 12-13]. Но, с другой стороны, как показало наше специальное исследование на данную тему, они отнюдь не фатальны и распределены по всей линии территориального соприкосновения (непосредственного и опосредованного) с Китаем очень неравномерно, «пунктирно» [6. С. 47-48]. Проведенный нами анализ выявил стохастический характер этих опасностей, вскрыл ошибочность линейно-детерминистского их понимания. Мобилизованные демографические данные показывают, что в катастрофических сценариях будущего Сибири и Дальнего Востока систематически завышается миграционный потенциал приграничных китайских территорий, а адаптивные возможности российских, напротив, занижаются [6. С. 41-47].

Итоги. Как лечить страну?

Предложения В.П. Федорова по исправлению положения в экономике и других сферах жизни страны вытекают из его системной критики межеумочной модели постсоветской трансформации России. Его базовые позиции в целом можно определить как просвещенный умеренный этатизм.

Автор убежден, что переход «от советского социализма к просвещенному российскому капитализму» не может происходить

«на фоне экономической пустыни» [2. С. 377]. Исторический опыт эволюции западного капитализма убедительно показал, что для устойчивого экономического и социального развития одних только «здоровых сил рынка» явно недостаточно. Угроза «саморазрушения общества», особенно отчетливо и масштабно проявившаяся в 20-30-е годы, закономерно привела государство на Западе к созданию «системы встроенных стабилизаторов» экономики. И система эта, «несмотря на погрешности и сбои, исторически оправдала себя» [2. С. 376].

В России, полагает В.П. Федоров, государство как собственник должно будет сосредоточить свои «основные усилия... на развитии инфраструктуры, имеющей общее значение» (но и требующей огромных упреждающих инвестиций) - транспорт, связь, энергетика, наука, ВПК. Этот стержневой комплекс народного хозяйства позволит «сохранить экономическую безопасность страны и оказывать стабилизирующее воздействие на экономическую конъюнктуру, оставая для частного бизнеса производство... товаров и услуг, сельское хозяйство, торговлю и т. д.» [1. С. 217].

При этом устойчивый подъем российской промышленности может быть достигнут лишь при условии приоритетного развития производств, обслуживающих первоочередные потребности населения - питание, одежда и обувь, медикаменты, жилье, бытовая техника, автомобили. Объемный спрос на продукцию таких отраслей в современном обществе всегда значителен, а оборот капитала в них непродолжителен. То, что эти звенья народно-хозяйственной цепи, будучи «самыми экономными по затратам и самыми результативными по эффективности», представляют собой наиболее адекватную естественную базу для прогресса национальных производительных сил, В.П. Федоров иллюстрирует, в частности, убедительным опытом Китая [1. С. 211, 215].

Принципиально важной представляется федоровская критика «рыночного пуризма» реформаторов в отношении затратности и конкурентоспособности производства. Он настаивает на том, что неправильно и неправомерно требовать от экономического роста *уже на начальном этапе* перехода к эффек-

тивными методам хозяйствования и международной конкурентоспособности. «Как временное явление» затратный, т. е. проедающий ресурсы рост, «допустим и даже необходим» - пишет В.П. Федоров [1. С. 179-180].

Обеспечение достойного будущего страны невозможно без преодоления «затянувшейся гипертрофии» добывающей промышленности. Во-первых, достигаемый благодаря ей экономический рост вносит «минусовый вклад в показатель национального богатства». Во-вторых, поскольку она довольно автономна и замкнута, то ее подъем «не сопряжен с необходимостью заметного прогресса в остальных сферах экономики» [1. С. 185, 206]. Именно поэтому, указывает автор, «развитие добывающей промышленности должно осуществляться в той мере, *насколько это необходимо*, тогда как развитие перерабатывающей промышленности - в той мере, *насколько это возможно*» (выделено мною. - О. Б.) [1. С. 206].

Перерабатывающий сектор народного хозяйства В.П. Федоров подразделяет на потребительский комплекс, непосредственно удовлетворяющий потребности населения, и инвестиционный комплекс (в первую очередь, машиностроение). Как уже выше отмечалось, он убежден, что исходным пунктом для «здорового общеэкономического развития» может быть только *упреждающее развитие потребительских отраслей*. По его мнению, экономика России и далее будет обречена топтаться на месте [1. С. 206, 209], если приоритетом правительственного курса не станет сокращение импорта продовольствия и других товаров широкого потребления и переход к их экспорту. Для этого надо наращивать новую структуру хозяйства, которую характеризуют, по образному выражению В.П. Федорова, «три Ф: новые формы, фирмы и фермы» [1. С. 216]. Благоприятный для их развития климат обеспечит последовательный переход под их ответственность все новых сфер - от производства до потребления. Именно это, а не бездефицитный бюджет, профицит, снижение доли ВПК - должно находиться в центре внимания государства [1. С. 213, 216-217].

Автор вносит свои предложения по изменению нынешней финансовой политики правительства. В общей ее оценке он резко

критичен: для него она - просто «отголосок устаревших меркантилистских представлений», и даже «ущербна» [2. С. 375]. Ярким примером тому В.П. Федоров считает проводимую в жизнь, невзирая на критику экспортного сообщества, концепцию использования Стабилизационного фонда.

Вместо тривиального хранения денег Стабфонда государство должно было бы заставить их «работать» (т. е. «превращать в капитал»), размещая в виде кредитов и инвестиций для увеличения производства. «Такое производительное освоение средств увеличит доходы бюджета намного больше по сравнению с лежащими деньгами, даже размещенными в иностранные ценные бумаги», - выражает уверенность В.П. Федоров [2. С. 375].

Критикуя слабую эффективность правительственной финансовой политики с точки зрения стимулирования экономического роста, автор детально обосновывает свои предложения по исправлению положения. Этому он посвятил специальный раздел с говорящим названием: «Деньги в экономике всегда есть - личные сбережения». Утверждая, что для экономического подъема в стране финансовые средства есть, В.П. Федоров отнюдь не имеет в виду незаконно вывезенный за границу российский капитал или увеличившийся в последние годы приток иностранных инвестиций (для него они - «журавли в небе»), а именно различные виды денежных накоплений населения. Но он вынужден констатировать, что по причине весьма богатого отрицательного опыта россиян - финансовые пирамиды, безответственность либо прямое мошенничество банковских учреждений, государственный обман - личные сбережения граждан в реальном секторе экономики пока «практически не работают» [1. С. 221, 224].

Чтобы растопить лед недоверия населения, необходимо развивать сеть новых финансовых учреждений. Основной ее смысл - «заземление» финансовой системы на регионы в целях размещения привлеченных денежных средств, «во-первых, в производство, во-вторых - на своей территории». Создание такой «территориальной платежной системы», как условно назвал ее В.П. Федоров, с одной стороны, не потребует значительных затрат и осуществимо в короткие сроки

(«до года»), а с другой - накладывает гораздо более «жесткие обязательства как на уполномоченные банки, так и на местные власти» [1. С. 226, 227].

Предложения В.П. Федорова по снятию или минимизации угроз для России в неэкономической сфере следующие. Заложенный в основу национально-государственного устройства России этнический принцип представляет, по его убеждению, «чрезвычайную опасность для целостности» страны [3. С. 28]. Поэтому необходимо либо предпочесть для ее государственного устройства унитарность («что является типичным для подавляющего большинства стран в мире»), либо ввести в основу федеративного устройства вместо этнического принципа «территориальный, или административный». В любом случае следует продолжить политику укрупнения субъектов Российской Федерации, при непреклонном отказе от существования нынешних республик как государств в ее составе [3. С. 28]. Думается, однако, что попытка претворения в жизнь федоровского «проекта унитаризации России» породила бы гораздо больше проблем, чем нынешний этнический федерализм, ведь, как свидетельствует богатый опыт эры национализма XIX - начала XXI в., у национально-этнического «устроения» нет, образно говоря, «задней скорости»...

В силу этого даже более умеренное предложение В.П. Федорова - о настоятельной необходимости включить в Конституцию РФ статью об объединительной для России роли русского народа - также представляется нам нереализуемым [2. С. 125]. Ведь внесение такой статьи дало бы мощный импульс республикам - особенно тем, в которых и без того повышенный фон этноконфессиональной напряженности - добиваться аналогичного статуса для их титульных этносов. И легко себе представить, к чему бы это привело, к примеру, в тех же Башкортостане, Татарстане, Дагестане или Якутии...

Автор считает, что для России, в которой имеется 60 официально зарегистрированных конфессий, но большинство населения которой при этом идентифицирует себя с православием, «термин «многоконфессиональное государство» не совсем подходит» [2. С. 121]. Поскольку православие является для страны объединительной силой, оно дол-

жно получать «всемерную поддержку», что, однако, не противоречит светскому статусу современного российского государства. Более того, В.П. Федоров считает необходимым преодоление противостояния православной церкви с другими христианскими верованиями, их «сближение и сотрудничество» в борьбе с «растущим безверием», обесценением традиционных моральных ценностей, сектантством [2. С. 123].

Думается, что предложение ученого о сотрудничестве христианских конфессий недостаточно: оно должно было бы быть распространено и на другие традиционные верования в России. Лишь в этом случае религиозный фактор сыграет существенную позитивную роль в укреплении единства страны. О чем, кстати, свидетельствует уникальный для постсоветского пространства (но, к сожалению, пока совершенно недооцененный) белорусский опыт достижения этноконфессионального мира и сотрудничества при активной роли светского государства.

Обосновывая необходимость принятия ряда мер по централизации управления страной, В.П. Федоров, вместе с тем, высказывается за дальнейшее ее политическое развитие по демократическому пути - со «строгим разделением ветвей власти», независимостью СМИ, становлением развитой конкурентной партийно-политической системы [1. С. 276].

Геополитические и внешнеэкономические позиции автора характеризуются разумной достаточностью. Если, с одной стороны, он считает правильным отход от проводимой в советские времена «ненужной и дорогостоящей внешнеполитической вездесущности» и высказывается за курс на «относительное самоограничение России в международных делах, особенно в горячих точках», то, с другой стороны, ему представляется невозможным отказ страны от «самовбеприятия как великой державы» [2. С. 258, 359; 1. С. 256].

И то, и другое конкретизируется на страницах обеих книг предложениями автора по разрешению наиболее болезненных для постсоветской России политических проблем. Так, внешнеполитические ошибки российского руководства, «осложняющие без нужды» ее отношения с Беларусью, Грузией и другими новыми независимыми государства-

ми, он объясняет «рецидивами неизжитого имперского стремления прибрать что-то к рукам» [2. С. 360].

А вот по поводу претензий Японии на Южнокурильские острова В.П. Федоров безоговорочно стоит на той точке зрения, что уступки России в территориальном вопросе были бы для нее «губительны» [1. С. 319]. Обосновывая свою позицию, он помещает японо-российский спор в международный контекст аналогичных или схожих проблем, правомерно привлекая внимание читателей к тому, что у Японии имеются территориальные претензии и к другим соседям - КНР и Южной Корее [1. С. 316]. Равно как и к тому, что Норвегия, вдохновленная уступчивостью России во времена Горбачева и Ельцина, стала, в нарушение Парижского договора 1920 г., «шаг за шагом вытеснять» ее со Шпицбергена [1. С. 326].

Линия, сочетающая отказ от рецидивов имперскости с твердым отстаиванием Россией как великой державой своих национальных интересов - основывается на новом прочтении В.П. Федоровым евразийской идеи. «Евразийство, - пишет он, - судьба России» [3. С. 30]. Стратегические государственные интересы и геополитическое положение страны, являющейся самой большой по территории одновременно и в Европе, и в Азии, определяют для России роль «расчетливого актора», располагающего свободой маневра в обеих «родных» частях света [3. С. 30]. Подобный подход представляется нам вполне разумным и соответствующим новой экономической и внешне-политической конфигурации мира.

Но в состоянии ли роль «расчетливого актора» обеспечить России реальную возможность оставаться на международной арене «над схваткой», «без друзей и союзников», как предлагает Федоров? И вообще, возможно ли такую, пожалуй безупречную, с точки зрения формальной логики, установку сделать реальной политикой в «параллелограмме сил» столь несовершенного и противоречивого мира, как наш сегодняшний? Не выглядит ли она несколько курьезной на фоне отчетливо проявляющегося стремления большинства стран разных континентов к образованию стратегических союзов? А может быть, она и есть выражение того самого рес-

сентимента — «чувства вселенской российской обиды»?!. Ведь это чувство, как отмечают ученые, в постсоветской России получило «очень широкое распространение»... [4. С. 40, 62-83].

Еще одно очень смелое предложение В.П. Федорова также несет на себе, как нам кажется, печать нового прочтения евразийства. В связи с тяжелым демографическим положением в стране, от которого в наибольшей мере страдают Сибирь и Дальний Восток, он предлагает перенести столицу России «далеко на Восток, в Иркутск, Новосибирск или Красноярск». Таким образом было бы положено начало созданию «нового граvitационного центра экономики» и всей жизни Зауралья, обеспечило бы приток туда капитала и рабочей силы [3. С. 32, 33]. Свои резоны автор при этом подкрепляет «впечатляющим примером Казахстана», в котором перенос столицы с юга на север страны быстро дал положительный эффект.

* * *

В заключение ответим на вопрос, вытекает ли из столь пессимистического анализа профессора Федорова неверие в будущее России? В общем-то нет, не вытекает., благодаря примененному им своеобразному методу, в котором пессимизм оценки не исключает оптимистической интерпретации. Это, очевидно, и дает ему основания надеяться, что, несмотря на многочисленные потери, сохранившийся еще в стране мощный потенциал «при рациональном использовании выведет ее на одно из ведущих мест в мировой экономике» [2. С. 378] и что «в многополярном мире Россия будет не менее востребована, чем прежде, если не более...» [1. С. 306]. Нечто похожее, причем даже количественно выраженное, мы можем найти у российского академика Н.П. Шмелева: «взвешивая» в процентах примерно равную вероятность позитивного и негативного сценариев развития России, тот отдает все-таки первому из них 51 пункт, а второму - 49 [5. С. 17].

Но вряд ли будет возможно реализовать указанный оптимистический сценарий, если Россия не откажется от навязанного ей 15 лет назад периферийного «третьемировского» капитализма, который строится по

принципу «своим - все, а остальным - рынок!». Если ее руководство не отбросит в конце концов «младореформаторский» макроэкономический «second hand» и ясно не осознает, что европейско-континентальной модели социального рыночного хозяйства свойственна именно ориентация на категории долговременной «производственно-инвестиционной стратегии при известной регулирующей роли государства», а вовсе не установка на немедленное получение «наибольшей финансовой отдачи благодаря свободной игре частных экономических агентов»... [7. С. 55].

Известный афоризм гласит: «Credo ut intellegam» (Верую, чтобы понимать). Социальной же науке, наделенной кроме познавательной функции еще и ценностно-ориентирующей, приходится всякий раз действовать лишь по принципу «Понимаю, чтобы верить». И в этом отношении опыт В.П. Федорова весьма богат и ценен.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федоров В.П.* Россия: внутренние и внешние опасности. М.: Изд-во «ОГНИ-Пресс-Крафт», 2004.
2. *Федоров В.П.* Россия: внутренние и внешние опасности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «ОШИ-ТД», 2005.
3. *Федоров В.П.* Крушение Европы? (Один из возможных сценариев будущего). М.: ИЕ РАН, изд-во «ОГНИ», 2005.
4. *Буховец О.Г.* Изучение национализма в Европе и Евразии: новые аспекты. М.: ИЕ РАН, изд-во «ОГНИ», 2004.
5. *Шмелев Н.П.* Россия через 50 лет: возможные сценарии будущего // Белорусский экономический журнал. 2006. № 2.
6. *Буховец О.Г.* Россия: опасность утраты Сибири и Дальнего Востока в свете демографии и геополитики // Белорусский экономический журнал. 2006. № 4.
7. *Рубинский ЮМ.* Две Европы или одна? // Европа: вчера, сегодня, завтра. М.: ЗЛО «Изд. «Экономика», 2002.

